

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОРИЕНТИР В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

На основе анализа материалов этносоциологических исследований в Сибири и других регионах России показано, что сформированная этническая идентичность личности и групп как социокультурный ориентир играет в целом консолидирующую роль в межэтнических отношениях, развитии этносов и российской цивилизации в целом.

Ключевые слова: этническая идентичность, социокультурный ориентир, межэтнические установки.

С тех пор как в конце XX в. Э. Эриксон ввел термин «идентичность» в междисциплинарный дискурс, показав взаимосвязь процесса становления и трансформации идентичности с социокультурным, культурным развитием и идеологией [1996], исследование многих видов личностных и групповых идентичностей приобрело в социальных и гуманитарных науках лавинообразный характер, что дало основание М. Н. Губогло говорить о формировании целой отрасли междисциплинарных исследований – идентологии. Идентичность он определяет кратко «как отождествление себя (одного или многих) с кем-то и в чем-то и одновременно различие себя от кого-то и от чего-то» [2003. С.55]. Анализируя взаимосвязь основных понятий, относящихся к предмету его исследования, – идентификации идентичности – он делает вывод, что идентичность как результат процесса идентификации (механизма становления идентичности) включает в себя когнитивные структуры, конативные (поведенческие) механизмы и ценностные атипичные оценки. С понятиями идентичности и идентификации тесно связано понятие самоидентификации, в котором первичным является когнитивный элемент [Там же. С. 59].

Рассматривая на основе этносоциологических исследований, проведенных под его

руководством в 1993–2002 гг. в разных регионах России и странах ближнего зарубежья взаимосвязь между социальными трансформациями и процессами формирования этнической, гражданской, конфессиональной, гендерной, семейной, региональной, политической, профессиональной, имущественной идентичностей, М. Н. Губогло совершенно обоснованно акцентирует внимание на этнической идентичности и этносоциальных процессах в современной России, актуализированных в связи с развалом СССР, новым государственным статусом полиэтничной страны, глобализацией этничности, возникающими противоречиями между этнической и гражданской (российской) идентичностью в ходе реформ.

Центральной темой в последние годы стало изучение соотношения базисных – этнической и российской (гражданской) – идентичностей, что диктуется необходимостью более глубокого понимания тенденций становления общероссийского гражданского общества как единства в его этническом многообразии [Российская идентичность..., 2008; Российская идентичность в Москве..., 2009; Российская нация..., 2008; Арутюнян, 2007].

Этническая идентичность понимается по-разному сторонниками примордиализма и конструктивизма в этнологии. Если первые

преувеличивают роль объективных факторов в развитии этносов (и этнической идентичности), то вторые – субъективных (элит, идеологии). Л. М. Дробижева определяет этническую идентичность «как сознание общности людей, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений» [2010. С. 49]. Мы полагаем, что здесь преувеличена роль представлений. «Чтобы быть мужчиной или женщиной, – отмечает М. Губогло, – мало иметь соответствующее представление, надо быть им или ею... Следовательно, практически мыслящие этнологи должны задать вопрос, основана ли вера в признаки этноса на их реальном существовании, или она представляет собой вымысел. Таким образом, если полагаться на веру, мы неизбежно можем приблизиться к конструктивистскому выводу о том, что сама этническая общность – не реальность, а вымысел» [Губогло, 2003. С. 38]. Следовательно, этническая идентичность есть результат отождествления субъекта (личности, группы) с реально (а не только в представлениях) существующим этносом. «Увлечение конструктивизмом, “воображаемым сообществом”, “ежедневным плебисцитом”, в том числе из-за неадекватно понятой концепции Бенедикта Андерсона, привело к потере теоретической перспективы и надежной системы координат национальной политики, без чего реальная жизнь этнической общности становилась труднодоступной для фиксации и анализа. Вследствие этого и этническая политика теряла этническую опору, если понимать в качестве таковой системы координат “действующее лицо – мобилизация – сфера – ситуация”» [Там же. С. 718]. До сих пор продолжается это шараханье из одной крайности в другую – от преувеличения значимости этничности («Берите суверенитета сколько проглотите», – заявил Б. Ельцин руководителям национальных автономий в России в начале 1990-х гг.) до признания опасности этнонационализма (особенно «русского») и форсированной идеологической пропаганды идеи российской нации, якобы снимающей опасность этнонационализмов. Так, например, отменяются графы «национальность» в паспортах и в переписях населения. Тем более

важна достоверная информация о состоянии этнического самосознания, процессах этнической и гражданской идентификации в различных регионах, социальных группах населения современной России для научной обоснованности (если она вообще нужна нынешней правящей элите) национальной политики.

В данной статье рассматривается относительно мало изученный аспект взаимосвязи этнической идентичности с социальными и культурными условиями – идентичность как социокультурный ориентир в межэтнических отношениях. Социокультурность понимается нами «по П. Сорокину»: как неразрывная триада «личность – культура – общество» [Сорокин, 1992. С. 218], а ориентир – как базисная ценность в системе ценностных ориентаций личности и группы.

Тот факт, что этническая идентичность очень важна для представителей всех народов России и в современный период, подтверждается многочисленными исследованиями. Сошлемся только на публикации последних лет руководителей всероссийского и региональных массовых этносоциологических опросов – М. К. Горшкова, Л. М. Дробижевой, Ю. В. Арутюняна, Ю. П. Шабаева, В. А. Авксентьева [Дробижева, 2010; Арутюнян, 2010; Российская идентичность..., 2008; Тема номера..., 2008; Шабаев, 2011; Авксентьев, Аксюмов, 2010]. Так, Дробижева на основе материалов этносоциологических исследований 1993–2008 гг., проведенных под ее руководством в Москве, Татарстане, Саха (Якутия), Башкортостане, Туве, Северной Осетии, Бурятии, Свердловской, Томской, Новгородской областях, делает вывод: «В связи с изменением общей ситуации в стране, формированием государственно-гражданской идентичности можно было ожидать у русских снижения значимости этнической идентичности в 2000-е гг. Но она не только не снизилась, а выросла... Так, доля русских в Саха (Якутии) с ощущением, что они часто чувствуют связь со своей этнической группой, увеличилась с 37 % в 1994 г. до 57 % в 2007 г.». В городах (Москве, Екатеринбурге, Томске и др.) тоже рост данного показателя, хотя и в несколько меньшей степени – с 56,5 до 66,5 % [Дробижева, 2010. С. 55–56]. При этом отмечен факт преобладания с середины 2010-х гг. для русских гражданской (русской) идентичности над этнической:

в Саха (Якутия) в 2007 г. идентифицировали себя с гражданами России 97,4 % респондентов русских, а с людьми своей национальности 88 %. В то же время в республиках «ориентация на этническую солидарность (выбор ответа “человеку важно чувствовать себя частью своей национальности”) у русских уступала аналогичной у титульных национальностей» [Там же. С. 57]. Этническая идентичность у русских в республиках более акцентирована (ответы «никогда не забываю, что я – русский» встречались чаще, чем в «русских» регионах), что свидетельствует об определенной напряженности в межэтнических отношениях.

Важность этнической идентичности в структуре социокультурной идентичности молодежи Северного Кавказа показали социологические опросы, проведенные в ноябре 2009 г. среди студентов вузов в Краснодарском и Ставропольском краях, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. При этом исключительно важна она для молодежи «кавказцев»: на вопрос о степени важности быть представителем своей национальности ответили, что это «очень важно» и «важно» 93,5 % (а 71,6 % из них – очень важно). Для русской молодежи аналогичные показатели – 75,8 и 43,0 %, причем гражданская идентичность («я – гражданин России») для них несколько важнее этнической – 85,6 % ответов (ответов «очень важно» – 41,1 %). У молодежи кавказских народов эти показатели немного ниже: соответственно 75,4 и 31,1 %.

Исследователи [Авксентьев, 2010; Рыжова, 2010] делают вывод о тесном переплетении этнической и конфессиональной («я – представитель своей религии») идентичностей и становлении идентичностей этноконфессиональных. У народов мусульманской культуры эта идентичность выражена сильнее, чем у русских (православная культура).

Что касается индикаторов (интеграторов), по которым и русские, и нерусские респонденты идентифицировали себя с людьми своей национальности, то важнейшими из них являлись объективные признаки этничности: язык, культура, этническое происхождение, родная земля, государство, вера, а также любовь к своему народу, стране. Иерархия их несколько различалась для представителей разных этносов и регионов,

но язык, культура, происхождение в той или иной последовательности занимали первые места в таблице рангов.

Этническая идентичность и межэтнические установки взаимосвязаны, так как в их основе лежит дихотомия «мы – они», определяющая диалектику внутриэтнической консолидации и межэтнической интеграции в условиях взаимодействия этносов. Конкретные исследования опровергают муссированный долгие годы в средствах массовой информации тезис, что человек с актуализированным этническим самосознанием – явный или потенциальный националист (для русских – «русский фашист»), содействующий дезинтеграции России. Безусловно, вырожденное состояние этнического (национального) сознания в форме «нарциссизма» склонно приводить к этнонационализму, однако в «норме» развитое (актуализированное) этническое самосознание, как показала Л. М. Дробижева на материалах опроса русских, сопряжено с общероссийским: чем прочнее у респондентов этноконсолидирующая установка («никогда не забываю, что я – русский»; «необходимо ощутить себя частью своей национальности»), тем выше показатели их государственно-гражданской идентичности (россияне) [Дробижева, 2010. С. 54].

На основе опросов русских в Москве и Краснодаре в 2005 г. Ю. В. Арутюнян сделал вывод, что русские – «этнофоры» (для которых характерен приоритет своей этнической принадлежности над общероссийской, европейской или общемировой), характеризуются более отрицательными межэтническими установками, чем «россияне» или «глобалисты» («европейцы» и «люди мира»). Изучалось отношение к армянам, евреям, азербайджанцам, чеченцам. Аналогичные ответы получены в отношении социальных групп – предпринимателей и банкиров. Обратная ситуация в отношении к коммунистам [Арутюнян, 2009. С. 41]. Ю. В. Арутюнян солидаризируется с весьма спорным тезисом В. А. Тишкова, который писал, что «курс на ослабление... национальной принадлежности в пользу множественной и многоуровневой этнической идентичности... остается в плане стратегического приоритета» [1997. С. 281].

Совершенно справедливо утверждая, что сохранность этнического достаточно устойчиво связана с «родовыми корнями» (этни-

ческим происхождением) и наиболее определено – с самосознанием, Ю. В. Арутюнян считает, что сближение этносов в культуре и социальной жизни не обязательно ведет к изменениям в самосознании, и именно спекуляции на самосознании ведут к межэтническому размежеванию [2009. С. 43]. В принципе с этим выводом можно согласиться, если учесть что само этническое самосознание не существует изолированно от социокультурной среды и отражает противоречия в ней. Поэтому, на наш взгляд, лишены надежды на успех попытки формирования в самосознании интегративного образа россиянина без уменьшения существующих больших различий в материальном, культурном и политическом положении индивидов и этнических групп в нынешней России.

Социологические исследования, проведенные нами в 2000–2009 гг. во многих регионах Сибири (г. Новосибирск, республики Саха (Якутия), Алтай, Хакасия, Тува) также показали, что гражданская (российская) самоидентификация для молодежи более значима, чем этническая. Так, в 2009 г. в Саха (Якутии), где опрошено 3 484 чел., картина выглядела следующим образом (табл. 1).

В отличие от Северного Кавказа, где для кавказских этносов этническая идентичность более важна, чем гражданская [Авксентьев, Аксюмов, 2010. С. 23], в Якутии гражданская (российская) идентичность доминирует в самосознании всех рассмотренных этнических групп – русских, саха, коренных малочисленных народов Севера (КМНС), других народов, судя по сумме ответов «очень важно» и «важно» при опросе. При этом у русской молодежи российская идентичность выражена наиболее от-

четливо и намного сильнее, чем этническая (ответы «очень важно» – соответственно 73 и 32 %).

Молодежь, у которой значимость этнической идентичности доминирует над гражданской, определялась как выбирающая аккультурационную стратегию сепарации; при значимости и этнической, и гражданской идентичности – стратегию интеграции; при доминировании гражданской над этнической – ассимиляции; при нивелировании и той, и другой идентичности – маргинализации. В данной публикации нам важнее всего проанализировать влияние этнической идентичности на межэтнические установки, поэтому ограничимся рассмотрением стратегии наиболее многочисленных групп, выбирающих стратегии интеграции (их по 60–70 % в каждой этнической группе) и сепарации (таковых 30 % среди русских и по 15 % – среди саха и КМНС).

При доминировании этнической идентичности над российской (стратегия сепарации) для молодежи этой группы, по сравнению с другими, важнее жить среди людей своей национальности; они более чувствительны к оценке межэтнических напряжений, в том числе к отношениям к своей этнической группе.

При выборе интеграционной стратегии аккультурации – обратная картина [Абрамова и др., 2010. С. 70–71]. Другими словами, как показали результаты исследования, наиболее оптимальным для выстраивания межэтнических отношений является формирование такой структуры этнического самосознания, в которой интегрированы развитые и этническая, и гражданская (российская) идентичности, т. е. наличествует мультикультурность.

Таблица 1

Этническая и гражданская самоидентификация молодежи Республики Саха (Якутия), % в группе

Этническая группа	Значение этнической самоидентификации			Значение гражданской (российской) самоидентификации		
	очень важно	важно	не важно	очень важно	важно	не важно
Саха	41	46	13	47	46	7
Русские	32	40	29	73	22	5
КМНС	39	47	14	52	40	8
Иные народы	24	39	37	51	39	10

На характер установок в межэтнических отношениях заметно влияет степень сформированности (полноты) этнического (национального) самосознания, которая определялась нами по ответу на вопрос «Какое из следующих высказываний кажется Вам наиболее верным? Если респондент выбирал вариант «1) каждый человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа», то такое самосознание определялось как «сформированное» («традиционалистское»). Выбор варианта «2) важно осознавать свою национальную принадлежность, а знать язык, культуру народа не обязательно» – как «частично сформированное», а варианта «3) сейчас не имеет особого значения осознание человеком своей национальной принадлежности, знание национального языка и культуры» – как «несформированное» («космополитическое»).

Именно в сформированности этнической самоидентичности наиболее полно проявляется социокультурность ориентации личности как «неразрывной триады» ее индивидуальных, культурных и социальных элементов.

Исследование в Якутии показало, что наиболее высок процент респондентов со «сформированным» этническим самосознанием среди ориентирующихся на стратегии сепарации и интеграции. Иначе говоря, сформированное, развитое самосознание может способствовать как межэтнической интеграции, так и межэтнической сепарации и было бы ошибочным, как полагают некоторые исследователи, видеть в нем лишь источник национализма.

В социологических опросах, проведенных в разных регионах Сибири, мы изучали взаимосвязь сформированности этнического самосознания с межэтническими установками, фиксируемыми по ответам на разные вопросы: о комплиментарности, социальной дистанции и пр.

Степень комплиментарности определялась по ответам на вопрос «Какие чувства Вы испытываете чаще всего к представителям следующих народов? а) симпатия (нравится); б) никаких чувств; в) антипатия (не нравится)». Массовые опросы показали, что среди тюркских народов Сибири – алтайцев, саха, тувинцев, хакасов – большинство (93–95 %) относятся к «традиционалистскому» типу этнической идентичности, поэто-

му даже при больших массивах опрошенных (по 600–700 человек в каждой этнической группе) респондентов с частично развитым или неразвитым этническим самосознанием было недостаточно для надежных выводов о взаимосвязи типов идентичности и степени комплиментарности. Определенно эта зависимость просматривается по всем массивам русских респондентов – и молодежи, и взрослых. Проведем сравнение по полярным типам: «традиционалистов» (сформированное этническое самосознание) и «космополитов» (несформированное), а также по доле тех, к кому испытывают симпатии или антипатии, опуская ответы «никаких чувств». Сводные данные по всем регионам Сибири приведены в табл. 2.

Судя по данным и о симпатиях, и об антипатиях, межэтнические установки у представителей «традиционалистского» типа этнического самосознания более толерантны, чем у представителей «космополитического» типа: симпатии выражены сильнее (разность долей положительная), а антипатии – слабее (разность долей отрицательная по отношению к большинству этносов из предложенного списка). Другими словами, «традиционалистский» тип этнической идентичности со свойственным ему убеждением важности для человека осознавать свою национальную (этническую) принадлежность, знать язык и культуру своего народа, в большей степени содействует формированию позитивных межэтнических установок людей, более высокого уровня межэтнической комплиментарности, проявлению симпатий к представителям других народов, нежели «космополитический» тип идентичности, представители которого не придают особого значения осознанию национальной принадлежности языку и культуре своего и других народов. В этом плане наши выводы прямо противоположны сделанным Ю. В. Арутюняном тоже на массиве русских о том, что «этнофоры» (носители этнического, характеризующиеся предпочтением в самосознании своей этнической принадлежности) отличаются менее благоприятными установками в межнациональных отношениях, нежели «глобалисты» («европейцы», «люди мира») [Арутюнян, 2010. С. 45–46].

Что же касается взаимосвязи типов этнической идентичности и «длины» социальной дистанции, допускаемой в межэтнических

Таблица 2

Взаимосвязь типов этнической идентичности и комплиментарности межэтнических установок. Разница (в %) между типами Т («традиционалисты») и К («космополиты»). Русские. 2002–2009 гг.

Испытывают чувство симпатии (антипатии) к представителям таких этносов, как	Симпатия				Антипатия			
	Новосибирск	Тыва	Алтай	Хакасия	Новосибирск	Тыва	Алтай	Хакасия
алтайцы	+8	+4	+3	+6	-1	-1	-3	0
американцы	+5	+6	+1	-1	+5	+2	+8	-5
англичане	+13	+1	+2	+1	0	-1	-1	-7
белорусы	+18	+4	-1	+15	-2	-1	-12	-4
буряты	+9	+1	+17	+8	-3	-4	-5	-4
евреи	+5	-4	-3	+10	+6	0	+6	-17
казахи	+5	+2	+10	-1	-1	-6	-7	-3
китайцы	+10	+5	+2	-3	+2	+5	-7	+13
монголы	+4	+8	+5	+10	-6	-1	-7	-15
немцы	+3	+1	+1	+7	+4	-2	+6	+1
русские	+12	+16	+5	+12	-1	-2	-6	0
тувинцы	+7	+18	+12	+6	-1	-5	-10	-8
турки	+9	+4	+9	+5	-7	+5	0	-5
украинцы	+20	-6	-5	+6	-3	+4	-1	-5
французы	+15	+9	+13	-1	-2	-2	-4	-1
хакасы	+2	+1	+6	+17	-3	-2	-2	-1
цыгане	0	-3	-6	+5	+8	+3	+6	+2
чеченцы	+3	-4	+7	+5	+11	+8	+6	+2
чукчи	+7	-2	+5	+6	-4	+7	-1	-10
японцы	+12	+16	+17	+7	-3	+3	-13	-1
грузины	+7	-2
армяне	+6	-3

Примечание: «+» – доля традиционалистов больше доли космополитов; «-» – доля космополитов больше доли традиционалистов.

Таблица 3

Взаимосвязь типов этнической идентичности и предпочтений в выборе «своих» по «социальной дистанции»; Т – «традиционалисты», К – «космополиты», %

Предпочитают людей «своей» национальности при выборе	Русские								Саха	
	Республика Алтай		Республика Тыва		Республика Хакасия		Республика Саха (Якутия)		Республика Саха (Якутия)	
	Т	К	Т	К	Т	К	Т	К	Т	К
друга (подруги)	66	54	56	75	55	62	60	43	61	41
коллеги	55	50	46	55	44	60	51	35	46	22
шефа	61	60	56	60	50	67	63	43	55	40
руководителя республики	70	70	3	11	50	47	56	44	74	50

отношениях (выбор друзей, коллег по работе, руководителей на работе, руководителей органов власти – «своих» или «любой национальности»), то тоже нельзя однозначно утверждать, что «космополиты» более индифферентны к этничности: в зависимости от социокультурной ситуации в том или ином регионе картина может различаться (табл. 3).

В республиках Тыва и Хакасия русские «традиционалисты» менее этноцентричны по всем показателям «социальной дистанции», чем русские «космополиты». В республике Алтай в целом ситуация противоречивая, но при выборе друга (подруги) и коллег по работе «традиционалисты» более этноцентричны. В Республике Саха (Якутия) и русская молодежь, и молодежь саха однозначно менее этноцентричны «космополиты». Заметна также более высокая степень этноцентризма у молодежи саха в этнополитической сфере – предпочтение человека своей национальности при выборе руководителя республики. В то же время лишь около 5 % русских в Туве предпочли бы, чтобы президентом республики был русский, а почти две трети (63 %) однозначно высказались за тувинца во главе республики, трезво оценивая небольшую долю русских в населении Тувы и текущую политическую ситуацию.

В заключение отметим, что в ряду других важных социокультурных ориентиров в межэтнических отношениях – гражданской, региональной и конфессиональной идентичностей, традиций и традиционализма, коллективистских или индивидуалистских установок личностей и этносоциальных групп – этническая идентичность играет важную и, как мы показали, в целом консолидирующую роль как в развитии этносов, так и полиэтничной российской цивилизации.

Мы разделяем тезис М. Н. Губогло: «Содержание новой этнической политики состоит в расширении спектра самовыражения этничности путем разработки механизмов, способных примирить политико-правовые интенции и интегративные задачи государства по созданию юридически обоснованной солидарности граждан, т. е. согражданства, с жизненно важными социально-демографическими, культурно-языковыми и пси-

хоидеологическими аспектами этнических общностей. Долгосрочность ее вытекает из признания многоэтничности постоянно действующим фактором» [2003. С. 721].

Список литературы

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Модели этнокультурной адаптации молодежи Севера // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 1. С. 66–77.

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Портфель идентичностей молодежи юга России в условиях цивилизационного выбора // Социол. исследования. 2010. № 12. С. 18–27.

Арутюнян Ю. В. Москвичи: этносоциологическое исследование. М., 2007.

Арутюнян Ю. В. Об этнических компонентах российской идентичности // Социол. исследования. 2009. № 6. С. 38–44.

Арутюнян Ю. В. Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции // Социол. исследования. 2010. № 12. С. 42–48.

Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.

Дробижнева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социол. исследования. 2010. № 12. С. 49–58.

Российская идентичность в Москве и регионах / Под ред. Л. М. Дробижевой. М.: ИС РАН, 2009.

Российская идентичность в социологическом измерении / Под ред. М. К. Горшкова. М., 2008.

Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В. А. Тишкова. М., 2008.

Рыжова С. В. Становление православной идентичности русских: традиционно-культурные и гражданские основания // Социол. исследования. 2010. № 12. С. 59–69.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Тема номера: многолика идентичность и новые политические вызовы // Полит. исследования. 2008. № 3. С. 9–96.

Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

Шаббаев Ю. П. Народы европейского севера России: положение, специфика идентичности // Социол. исследования. 2011. № 2. С. 54–63.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Материал поступил в редколлегию 02.06.2011

D. V. Ushakov, M. A. Abramova, V. G. Kostyuk

**ETHNIC IDENTITY AS A SOCIO-CULTURAL REFERENCE POINT
IN INTERETHNIC RELATIONS**

Using the results of ethno-sociological studies in Siberia and other Russian regions the authors show that a formed ethnic personal and group identity becomes a socio-cultural reference point having a predominantly consolidating role in ethnic relations, the development of ethnoses and the Russian civilization as a whole.

Keywords: ethnic identity, socio-cultural reference point, interethnic attitudes.